

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ, ЭТНОГРАФИИ И СОЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ

УДК 572.08, 902.6
DOI 10.17223/19988613/44/13

О.А. Митько, Т.А. Николаева

ОСОБЕННОСТИ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА ТАШТЫКСКОГО НАСЕЛЕНИЯ (ПО ДАННЫМ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ЗАХОРОНЕНИЙ ПОД КАМЕННЫМИ ВЫКЛАДКАМИ НА МОГИЛЬНИКЕ МАРКЕЛОВ МЫС II)

*Исследование проведено в рамках проектной части государственного задания в сфере научной деятельности
(задание № 33.702.2014/К).*

Статья посвящена изучению кремаций из погребальных комплексов могильника Маркелов Мыс II, расположенного в Новоселовском районе Красноярского края. Некрополь, насчитывающий более 160 археологических объектов, включал в себя памятники древнетюркского времени и таштыкской культуры. К последним относятся склепы, грунтовые захоронения взрослых и детей, стелы и погребения под каменными выкладками, в которых зафиксированы кремации. В последнем случае кости помещались на дне могильной ямы либо попадали в нее вместе с земляным заполнением. Антропологический анализ позволил установить факт сожжения индивидуумов старше 21 года, для нескольких определена половая принадлежность, отмечены патологические изменения. Температура горения погребального костра достигала 700–900°C. При захоронении останков полная представленность скелета не играла существенной роли: при сборе кремированных костей с погребального костра выборка носила случайный характер.

Ключевые слова: ранний железный век; Красноярский край; таштыкская культура; памятники под каменными выкладками; антропологический анализ; кремации.

Одним из направлений современной физической антропологии является изучение кремаций. В зарубежной археологии, начиная с 60-х годов прошлого века, практически ни одно исследование крупного некрополя с остатками трупосожжений не обходится без внимания антропологов [1]. Обязательным правилом является сопровождение результатов раскопок наблюдениями, сделанными при анализе кальцинированных костей.

Несомненно, что степень информативности кремированных останков намного уступает данным, полученным антропологами при изучении черепов и посткраниальных скелетов из погребений, совершенных по обряду трупоположения. Однако наличие разнообразных методических приемов позволяет не только представить половозрастную характеристику умерших, но и в ряде случаев выявить причинно-следственные связи между состоянием изучаемых костных останков и особенностями процесса сожжения тел умерших на погребальном костре. Как правило, удается определить температуру погребального костра, характер действий с кремированными останками и отметить отдельные особенности социального поведения при их захоронении. Накопленный практический опыт обработки полученных данных и широкое привлечение естественно-научных методов позволили разработать теоретические подходы к реконструкции обряда трупосожжения отдельных этнокультурных образований [2. С. 175–181; 3. С. 86, 91–94; 4. Р. 207, 209; 5. Р. 250; 6. Р. 26; 7. Р. 28; 8. Р. 1–2; 9. Р. 601–602; 10].

В отечественной археологии антропологическому анализу кремаций уделяется неоправданно мало вни-

мания. Это прослеживается в отношении такой своеобразной культуры, как таштыкская, заметно выделяющейся на фоне других сибирских археологических культур гунно-сарматского времени многообразием форм погребальной обрядности. Таштыкское население практиковало коллективные и индивидуальные ингумации, причем тела умерших нередко мумифицировались; в грунтовых могилах и склепах встречаются парциальные захоронения, которые можно отнести к вторичным, на площади могильников выделяются участки с детскими погребениями. При этом на позднем этапе развития культуры преобладающей формой становится трупосожжение, применявшееся как к мужчинам, так и к женщинам.

Вопросы необходимости полевой и лабораторной работы с кремациями из таштыкских памятников в научной литературе уже ставились, однако до настоящего времени их комплексные антропологические исследования не проводились [11. С. 116–118]. Можно лишь отметить отдельные наблюдения, сделанные в ходе анализа материалов наиболее интересных погребальных памятников [12]. Особое значение имеет включение полученных данных в тематику широких кросс-культурных исследований, связанных с применением огня в погребальной практике у самых разных народов и на различных исторических этапах [13].

В данной публикации приведены результаты антропологического анализа таштыкских погребений под каменными выкладками на могильнике Маркелов Мыс II и отмечены особенности процедуры сожжения умерших и захоронения кальцинированных останков.

Основные выводы о погребальной обрядности населения таштыкской культуры были сделаны при изучении грунтовых могил и каменных склепов, хотя в качестве погребальных объектов памятники, содержащие кремированные кости в небольших по размеру ямах под каменными выкладками, были выделены достаточно давно. В конце 1930-х гг. они были открыты С.В. Киселевым при раскопках могильника Уйбат II. Он описал погребальные объекты как «квадратные в плане курганчики», под которыми расположены могильные ямы с деревянным перекрытием и кальцинированными костями. Как писал С.В. Киселев, по этим наиболее показательным признакам они «особенно сближаются с кыргызскими», но одновременно обнаруживают и «ближайшее родство с классическими таштыкскими памятниками». Раскопки на могильнике Уйбат II позволили выделить «переходный тип погребений», который был датирован докудыргинским временем (до V в. н.э.) [14. С. 469–472]. Л.А. Евтюхова в работе, посвященной археологии енисейских кыргызов, также отнесла эти памятники к «переходной стадии» между таштыкской и кыргызской эпохами [15. С. 7].

Несколько позднее Л.Р. Кызласов в рамках таштыкской культуры выделил ее поздний этап. Он предложил именовать этот этап камешковским и включил в него погребения под каменными выкладками, раскопанные в разное время А.В. Адриановым на могильнике Малый Камешек, С.В. Киселевым и М.М. Герасимовым на чаатасе Уйбат II, и могилы, исследованные А.Н. Липским в г. Абакане. Развивая взгляды С.В. Киселева и опираясь на материалы собственных раскопок на Изыхском чаатасе, Л.Р. Кызласов разработал схему развития таштыкской культуры, согласно которой склепы на камешковском этапе уже не сооружались. На смену им пришли индивидуальные захоронения в квадратных или прямоугольных ямах, под невысокими подквадратными каменными выкладками, типологически близкие каменным курганам енисейских кыргызов (хакасов – по Л.Р. Кызласову).

Характерными чертами погребального обряда таштыкского населения на камешковском этапе являлись трупосожжение умерших на стороне и индивидуальное захоронение останков. Каждая могила предназначалась для праха одного покойного. От предшествующих захоронений в грунтовых могилах и склепах погребения камешковского этапа также отличаются отсутствием масок и ритуальных votivных предметов. Кремированные останки чаще всего сопровождалась керамической посудой и мясной пищей. Находка в одном из захоронений железного наконечника стрелы дала основание для датирования погребений камешковского этапа периодом IV–V вв. н.э. [16. С. 151–156].

Отдельный этап в изучении таштыкских памятников связан с исследованиями М.П. Грязнова. В ходе раскопок комплекса памятников у горы Тепсей им было выявлено более 65 объектов, представлявших собой вертикально вкопанные каменные стелы. В 47 случаях

рядом с ними были зафиксированы небольшие земляные ямки с остатками мясной пищи и сосудами. Поскольку останков каких-либо захоронений обнаружено не было, М.П. Грязнов предположил, что они сооружались соплеменниками при совершении поминальных действий по погребенным в склепах сородичам. Наиболее типичный «состав памятников», получивших название помин, характеризуется М.П. Грязновым следующим набором признаков: «...вертикально поставленный камень (плита), а перед ним, к северо-востоку от него, ямка и в ней горшок и кости домашнего животного, чаще всего овцы» [17. С. 141]. Также рядом со стелами в неглубокой могильной яме, перекрытой каменной выкладкой, был обнаружен скелет женщины, положенной животом вниз. Еще два захоронения, мужское и женское, находились перед вертикально поставленным камнем рядом со склепом 4. По мнению М.П. Грязнова, они также относились к поминам, «только в жертву приносился человек».

По всей видимости, точка зрения о «жертвенном» характере захоронений под каменными выкладками стала преобладающей и в решении вопроса об атрибуции кремированных останков на могильнике Тепсей IV, где в ямках под продолговатыми каменными плитами (могилы 7 и 8) находились кучки пепла сожженных взрослых людей. М.П. Грязнов отметил, что вместе с могилами 5 и 6, содержащими погребения, совершенные по обряду трупоположения, их «следует считать какими-то ритуальными захоронениями не просто умерших людей, а людей, принесенных в жертву или людей, умерших при особых обстоятельствах» [Там же. С. 141].

Характеризуя в целом погребальный обряд населения, оставившего тепсейский могильник, М.П. Грязнов еще раз вернулся к «захоронениям пепла» и не исключил вероятности того, что они не были могилами. Однако при этом им было подчеркнуто, что «смысл и значение этих захоронений пока остается загадкой» [Там же. С. 144]. Несмотря на неоднозначность сделанного М.П. Грязновым определения, оставляющего возможность для альтернативных гипотез, в литературе утвердилась точка зрения, согласно которой каменные выкладки наряду со стелами считаются поминальными объектами.

В середине 90-х гг. прошлого века вопрос об определении памятников камешковского этапа рассматривался С.В. Панковой, отметившей, что типологические различия поминов (стел и каменных выкладок) могут быть связаны с локальными вариантами развития культуры. Достаточно высокой, по ее мнению, является и вероятность того, что «камешковские» выкладки сооружались не только на позднем этапе таштыкской культуры, но и на всем протяжении ее существования [18. С. 42–43].

Э.Б. Вадецкая в монографии, посвященной таштыкской культуре, отдельно рассмотрела вопрос о поминах под каменными выкладками. Опираясь на сведения,

извлеченные из полевых отчетов С.В. Киселева и Л.Р. Кызласова, она отметила, что в 16 из 33 захоронений камешковского этапа никаких следов погребения, в том числе кремации, не было. В трех случаях под костями животных попадались сожженные косточки, и в одном случае очень небольшое скопление костей было обнаружено у одной из стенок ямы. По мнению Э.Б. Вадецкой, С.В. Киселев и Л.Р. Кызласов ошибочно посчитали могилами поминальные сооружения, характерные для всех этапов существования таштыкской культуры [19. С. 117].

Комплекс из вертикально установленных стел и каменных выкладок был исследован А.И. Поселяниным на могильнике Быстрая II. На площади «поминальника» было зафиксировано шесть ям под каменными выкладками с частичными (парциальными) захоронениями человека, пять ям с «пеплом» и 39 «поминов» с сосудами и мясом животных. Причем 28 из 39 находились рядом со стелами. Автор публикации также отметил, что в одном из объектов с остатками «пепла» была обнаружена бронзовая псевдопряжка, а в захоронениях с остатками труположений прослеживаются черты, характерные для погребального обряда тесинского населения [20].

В совместной работе, посвященной публикации таштыкских материалов могильника Белый Яр 3, А.И. Поселянин и Э.Б. Вадецкая привели данные по 152 «ямам с приношениями (поминами) мертвым», содержащим деревянные конструкции, остатки мясной пищи и керамические сосуды. По составу остатков пищи помины разделены авторами на три вида: богатые, типичные, или стандартные, и скудные. В трех «ямках» зафиксированы кремированные кости: в двух по одному скоплению и в одной (п. 49) два скопления. Как было ими отмечено, «объем косточек незначителен, недостаточен не только для одного трупосожжения, но и его части. Можно предполагать, что здесь хранился пепел, который был вытащен, поэтому разрушено перекрытие и раздавлены горшки» [21. С. 47]. К сожалению, антропологические заключения по содержанию «пепла» сделаны не были.

Предположение о «ямках» в качестве хранилищ пепла не получило развернутого объяснения. Оно основано на немногочисленности костных останков и практически полном отсутствии сопроводительного инвентаря, что может служить лишь косвенными фактами для отнесения их к поминальным объектам.

К иным выводам можно прийти при знакомстве с материалами могильника Маркелов Мыс II, на площади которого каменные выкладки, перекрывающие неглубокие ямы с кремированными костями, составляют большую часть из раскопанных таштыкских памятников. Некрополь находился в Новоселовском районе Красноярского края. Он представлял собой разновременный комплекс, насчитывавший более 160 объектов, из которых 140 относилось к таштыкской культуре, включая 11 стел, 89 небольших каменных выкладок,

перекрывающих ямы с кальцинированными костями, 25 объектов, не содержащих остатков погребений, а также захоронения взрослых и детей, совершенных по обряду труположения. Могильник исследовался силами Красноярского археологического отряда Новосибирского государственного университета с 1990 по 2008 г., раскопки велись широкими площадями, захватывающими межкурганное пространство.

Каменные выкладки представляли собой конструкции овальной, округлой либо подпрямоугольной формы, сложенные из одного или нескольких слоев плитняка. Размеры сооружений в среднем достигали 1,5–2 м и около 0,3–0,4 м в высоту. Под ними располагались неглубокие могильные ямы, до 1 м в диаметре, как правило, округлой, овальной или прямоугольной формы. Способы размещения кремированных костных останков в могилах отличались разнообразием. На ряде объектов они представляли собой компактные скопления на дне ям. Можно предположить, что первоначально кости были помещены в несохранившуюся до наших дней емкость, изготовленную из органического материала. Другой вариант расположения костей можно охарактеризовать как дисперсный. Они фиксировались на всех уровнях земляного заполнения, начиная от каменного перекрытия и вплоть до самого дна ямы, либо же находились непосредственно на дне, но не составляли компактного скопления, а были рассыпаны бессистемно по всей площади. Как правило, захоронения были одиночными, лишь в одном кургане были встречены одновременно 4 скопления.

Сопроводительный инвентарь, как правило, отсутствовал, лишь в некоторых объектах зафиксированы отдельные предметы (железные пряжки, заклепки, стержни). Все находки не имеют следов термического воздействия, за исключением фрагмента наконечника булавы из рога. Керамические сосуды преимущественно баночной формы, плоскодонные или на невысоком поддоне. Вместе с ними в ямы помещалась мясная пища, представленная небольшими кусками мяса крупного и мелкого рогатого скота. Необходимо отметить, что ряд из вертикально установленных стел располагался в непосредственной близости к каменным выкладкам, но следов каких-либо приношений рядом с ними не зафиксировано.

Методика работы с кремированными костями включала в себя полевой отбор из могильных ям с просеиванием земляного заполнения, очистку от земли и пыли и камеральный (фиксация общего веса скопления, определение средних линейных размеров и цвета (определялся по шкале П. Уолкера и К. Миллера)) этапы [6. Р. 31, 32. Fig. 3, 4]. После проведения начальных процедур происходил отбор костных фрагментов, четко идентифицирующихся с костями черепа и посткраниального скелета человека. При этом все отобранные кости распределялись по диагностическим единицам (кости черепа, позвоночника, верхних и нижних конечностей и т.д.) [22. С. 51]. Далее по общепринятым ан-

тропологическим методикам определения устанавливались возраст и (в некоторых случаях) пол сожженного индивидуума, а также наличие у него каких-либо особенностей и патологий развития [23. С. 39–48; 24. С. 29–38; 25; 26].

Всего нами было изучено 79 (или 88,76% от общего числа захоронений) скоплений кремированных костей. В большинстве из них (69,62%) встречены опре-

делимые фрагменты черепа и посткраниального скелета человека. Кремированных костей животных обнаружено не было.

Минимальный вес сожжений составлял 1,5 гр. (курган № 120), максимальный – 1170,9 гр. (курган № 28). При этом все изученные 79 скоплений по весовым категориям можно разделить на пять групп (рис. 1).

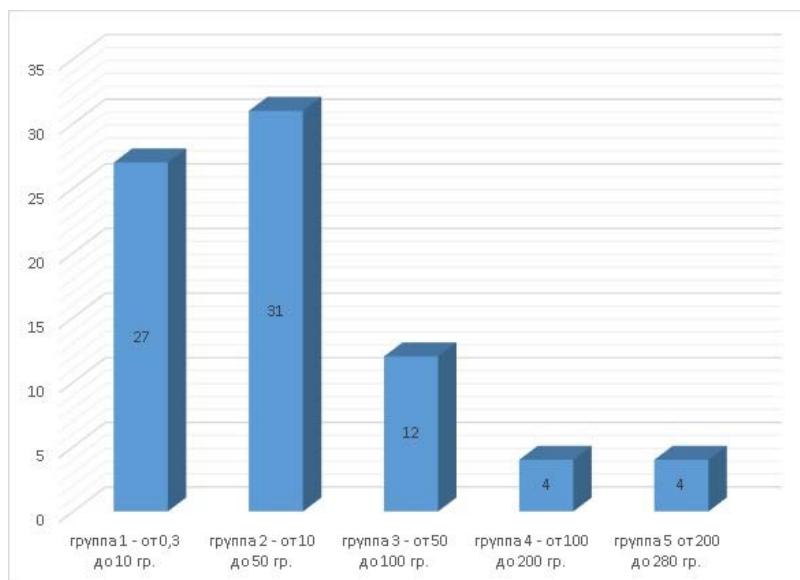

Рис. 1. Соотношение групп весовых категорий кремированных останков (в абсолютных цифрах)

Группа I: до 10 гр. (1,5–10 гр.) составляет 34,18% от общего числа изученных. Группа II: до 50 гр. (10–50 гр.) насчитывает 39,24%. Группа III: до 100 гр. (50–100 гр.) представлена 15,19%. Группа IV: до 200 гр. (100–200 гр.) и группа V: до 280 гр. (200–280 гр.) включают по 5,06% каждая. Объем упомянутого выше погребения № 28 не характерен для памятников под каменными выкладками и, в частности, для изучаемого могильника, поэтому оно не было включено ни в одну из групп.

Костные остатки в основном небольших размеров. Длина фрагментов в среднем составляла 1–1,5 см, хотя в ряде случаев отмечены отклонения. Так, самые незначительные фрагменты имели в длину всего 0,5 см. (например, курган № 39), а самый крупный – 7,5 см (курган № 28).

Преимущественным цветом толщи компактной костной ткани являлись белый, серый, с вкраплениями на части костей серо-коричневого, темно-синего и черного оттенков. На многих костных фрагментах отмечены следы трещин и термических деформаций кости параболической формы.

В 55 из 79 объектов (69,62%), содержащих кремированные кости, нами были выделены различные фрагменты черепа и посткраниального скелета человека (рис. 2). Основными диагностирующими элементами выступали кости черепа, а также фаланг кистей и стоп (в том числе и крайне незначительные по разме-

рам ногтевые). Несколько реже встречались длинные трубчатые кости. В некоторых случаях удалось также выявить позвонки. При этом во многих погребениях встречались диагностирующие элементы из нескольких групп (в большинстве подобных случаев это корни зубов и фаланги пальцев). Полученные результаты объединены в несколько возрастных категорий, сгруппированных по принципу общности критериев выделения возраста.

Самую многочисленную когорту составили индивидуумы, умершие в период от 21 (23–26) до 35 лет (17 погребений, или 39,53%, от числа лиц с диагностированным возрастом смерти), что в целом соотносится с антропологической категорией *Adultus* (таблица). Критериями объединения погребений в данную группу выступала совокупность трех признаков: степень развития зубной системы, в частности наличие 3-го постоянного моляра, полная облитерация фаланг кисти и стопы, отсутствие, низкая или средняя степень облитерации швов черепа. В части погребений, входящих в данную группу, присутствовал лишь один из указанных выше критериев, в связи с чем была определена только верхняя граница возраста. Так, в 8 погребениях (18,6%) встречены лица, умершие до 35 лет. Основным признаком определения возрастной границы в данном случае являлось отсутствие или низкая степень облитерации швов черепа. В ряде случаев, в рамках этой же группы, удалось конкретизировать возраст умерших

более точно. При этом наиболее четко диагностированное скопление оказалось одновременно и уникальным для изучаемого могильника. Так, зафиксировано

одно лицо, умершее в возрасте 30–35 лет. Основанием для подобного определения послужила средняя степень облитерации швов черепа.

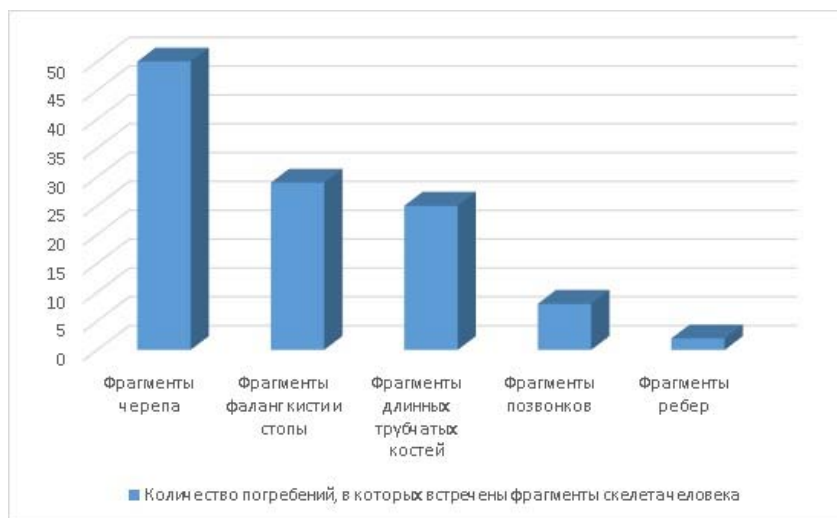

Рис. 2. Соотношение групп диагностирующих фрагментов черепа и посткраниального скелета человека (в абсолютных цифрах)

Вторую по численности возрастную группу составили индивидуумы, определенные как «взрослые», без уточнения возрастных границ (12 погребений, или 27,91%). Критериями выделения данной категории выступали степень развития зубной системы, размеры и массивность костных фрагментов. Степень их сохранности и информативности не позволили уточнить возраст умерших более детально.

Степень репрезентативности скоплений третьей и четвертой групп не дала возможности определить верхнюю границу возраста смерти и соответственно отнести данных индивидуумов к какой-либо четкой антропологической категории, тем не менее для

данных лиц был установлен минимальный возраст смерти. Так, в третью по численности группу были включены люди, умершие в возрасте более 35–45 лет (8 погребений, или 18,6%). В данных случаях основными критериями выделения возрастных рамок явились артрозы на фалангах кистей и позвонках, а также высокая степень облитерации швов черепа.

В четвертую по численности группу объединены лица, умершие в возрасте старше 23 (26) лет (6 погребений, или 13,95%). Основным критерием выделения данной возрастной категории выступала полная облитерация фаланг кисти и стопы.

Половозрастная дифференциация погребенных

Возрастная группа	Кол-во погребений, % от общего кол-ва изученных сожжений	Мужской пол	Женский пол
Adultus (21 (23–26) – 35 лет), включая: 30–35 лет До 45 лет	23 (29,11%)	1	
От 23 лет	1 (1,27%) 8 (10,13%)	1	1
От 35–45 лет	6 (7,59%) 8 (10,13%)	1	
Взрослые (без уточнения возрастного диапазона)	12 (15,19%)		1
Неопределенные	36 (45,57%)		

Определение пола по кремированным костям представляется наиболее сложной задачей на современном этапе развития антропологической науки. В связи с крайней фрагментарностью и отсутствием диагностирующих фрагментов с ярко выраженным половым диморфизмом мы можем говорить о поле погребенных только для отдельных случаев и весьма предположительно. Толщина компактной костной ткани костей, степень их массивности позволяют сделать предположение о половой принадлежности лишь пяти индивидуумов. Погребения № 54 и № 114, вероятно, принад-

лежат женщинам, а погребения № 28, № 150 и № 153 – мужчинам.

В 4 случаях из 79 нами были зафиксированы особенности и патологии развития. У индивидов погребенных в курганах № 18 и 107 отмечен гиперцементоз зубов. Еще двое лиц, умерших в возрасте старше 35 и старше 45 лет, страдали артрозом (погребения № 51 и 52 соответственно).

Таким образом, исходя из анализа кремированных костей, мы можем констатировать, что каменные выкладки на могильнике Маркелов мыс II наряду со скле-

пами и грунтовыми могилами являются погребальными объектами. Обряд трупосожжения применялся по отношению к взрослым мужчинам и женщинам (костей с диагностирующими признаками детей и подростков зафиксировано не было). Двухуровневая возрастная дифференциация погребальной обрядности (взрослые – кремация; дети – ингумация) прослеживается на всем протяжении существования таштыкской культуры и последующей за ней культуры енисейских кыргызов.

Опираясь на полученные результаты, мы можем уточнить ряд вопросов, связанных с процессом сожжения умерших. Характерная параболическая форма скола, зафиксированная на костях, свидетельствует о том, что кремация происходила вскоре после кончины. Цвет костных останков говорит о достаточно высокой температуре горения. Можно предположить, что основным материалом для погребального костра служили листовенные породы деревьев, способные в течение длительного времени обеспечить высокий уровень температуры в пределах от 700 до 900°C. Более низкая температура горения отмечена на костных останках из погребения № 28, где около 50% костей из общего состава имели темно-синий цвет. По шкале горения это соответствует диапазону температуры от 200 до 600°C. Как отмечалось выше, данное погребение резко отличалось от других захоронений объемом, весом, степенью сохранности и информативности кремированных костей, позволившей установить пол и точный возраст умершего.

Часто встречающиеся корневые части зубов, фрагменты черепа, а также такие незначительные по размеру диагностирующие элементы, как фаланги пальцев кисти и стопы, включая ногтевые, позволяют предположить, что пламя охватывало тело человека неравномерно, и это могло быть связано с размерами и формой погребального костра или же погодными условиями. Наиболее высокая температура, вероятно, наблюдалась в области ребер, грудины, позвоночника и костей таза, в то время как кости конечностей после перегорания связок попадали в периферийную зону костра.

Выделение в составе костного материала отдельных диагностических единиц позволяет сделать ряд наблюдений. Наличие среди скоплений большого количества неопределимых фрагментов говорит о том, что их отбор с пепелища прогоревшего погребального костра не был связан с ритуальным канонам, требующим обязательного отбора костей от различных частей скелета (голова, грудная клетка, таз, руки и ноги). В отличие, например, от индоариев, о которых письменные источники сообщают, что кости собирались женщинами пожилого возраста, «реконструировавшими» тело умершего, раскладывая их на шкуре животного. Все их действия были строго регламентированы [27. С. 88].

В археологической литературе есть сведения, относящиеся к андроновской культурно-исторической общности, где существовала практика антропоморфизации кремированных останков [28]. Подобные погребения

зафиксированы и в таштыкских памятниках. Так, на площади грунтового могильника Староозначенская Переправа I открыто погребение, в котором очертания тела умершего человека было воссоздано из кремированных костей. Они были уложены по контуру фигуры человека, выполненной в натуральную величину [29. С. 133–134].

Однако для погребальной практики позднеташтыкского периода, к которому относятся погребения под каменными выкладками на могильнике Маркелов Мыс II, полная представленность скелета не имела существенного значения. В то же время небольшие линейные размеры костных останков (в среднем 1–1,5 см) наталкивают на мысль о преднамеренном их измельчении, хотя повышенная хрупкость при длительном хранении в емкости из ткани или кожи также могла привести к их разрушению.

Наблюдение за весом кремированных костей позволяет уточнить ряд деталей, связанных с практической сферой погребальной обрядности. При этом, на наш взгляд, для ее реконструкции значение имеет не столько вес костных останков, сколько их объем, что требует «перевода» зафиксированного веса в объем.

Хорошо известно, что с древнейших времен у разных народов основными элементами системы мер выступали части человеческого тела или его физические возможности (палец, ладонь, ступня, локоть, «двойной шаг», день пути) [30. С. 254–255]. Логично предположить, что таштыкское население также использовало подобные антропоморфные меры как в повседневной жизни, так и в ритуальной практике, и в частности при сборе костей с погребального костра. Большая часть взвешенных нами скоплений укладывается в весовую категорию от 1,5 до 50 гр., что составляет 73,42% от общего количества всех изученных захоронений. Опытным путем удалось установить, что объем костей группы I мог составлять от одной до трех щепоток. Объем костей, входящих в группу II, можно соотнести с объемом от нескольких щепоток до полгорсти, остальные группы – от одной полной горсти до трех – пяти (женских / мужских) горстей. Разброс в данном случае зависит от индивидуальных особенностей человека, собиравшего останки с погребального костра, в частности от размера кистей рук.

В заключение хотелось бы отметить, что специфика исходного материала не позволяет дать всестороннюю характеристику погребального обряда таштыкского населения, сжигавшего своих умерших. Тем не менее полученные результаты могут послужить основой для создания антропологической базы данных по трупосожжениям и в какой-то степени придать новый импульс дискуссии о функционально-семантическом содержании понятия «помин» применительно к таштыкской культуре.

Авторы благодарят канд. ист. наук Д.В. Позднякова за консультацию и научное руководство при проведении антропологических определений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Lange M., Schutkowski H., Hummel S., Herrmann B.A. Bibliography on Cremation. Leichenbrand-Bibliographie (Parliamentary Assembly of the Council of Europe) 19. Strasbourg : Conseil de l'Europe, 1987. 168 p.
2. Козловская М.В. К вопросу о возможности исследования кремированных костей // Историческая экология человека. М. : Старый Сад, 1998. Вып. 1. Методика биологических исследований. С. 174–181.
3. Добровольская М.В. К методике изучения материалов кремации // Краткие сообщения Института археологии. 2010. Вып. 224. Антропологические исследования. С. 85–97.
4. Mays S. The Archaeology of Human Bones. London ; N.-Y., 1998. 242 p.
5. Lanting J.N., Aerts-Bijma, A.T., van der Plicht J. Dating cremated bone // Radiocarbon. 2001. 43 (2A). P. 249–254.
6. Walker P.L., Miller K.P. Time, temperature, and oxygen availability: an experimental study of the effect of environmental condition on color and organic content of cremated bone // American Journal of Physical Anthropology. 2005. Vol. 40. P. 23–45. URL: www.abc.net.au/science/slab/mungoman, free (дата обращения: 10.02.2016).
7. Großkopf Von B. Leichenbrand Biologisches und kulturhistorisches Quellenmaterial zur Rekonstruktion vor- und frühgeschichtlicher Populationen und ihrer Funeralpraktiken. Leipzig, 2004. 339 p. URL: <http://www.propylaeum.de/vor-undfruehgeschichte/internetressourcen>, free (дата обращения: 10.02.2016).
8. Thomas J.-L. Late Bronze Age Skeletal Populations of Slovenia. PhD archaeological science syn dissertation. Edinburg, 2011. 319 p.
9. Zazzo A., Saliège J.-F., Person A., Boucher H. Radiocarbon dating of calcined bones: where does the carbon come from? // Radiocarbon. 2009. Vol. 51, № 2. P. 601–611.
10. Wells C. A study of cremation // Antiquity. 1960. № 34. P. 29–37.
11. Митько О.А. Раскопки, отбор и первичная обработка кремированных остатков из погребальных памятников таштыкской культуры // Методика археологических исследований Западной Сибири. Омск : Фаворит, 2005. С. 111–119.
12. Митько О.А. Таштыкская кремация и мумификация // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Новосибирск : Издательский центр НГУ, 1999. Вып. 3. Парадоксы археологии. С. 164–180.
13. Williams H. Towards an archaeology of cremation, in C.W. Schmidt & S. Symes (eds) // The Analysis of Burned Human Remains, 2nd Edition. London : Academic Press, 2015. P. 259–293.
14. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М. : Изд-во АН СССР, 1951. 642 с.
15. Евтюхова Л.А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан : Советская Хакассия, 1948. 109 с.
16. Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакаско-Минусинской котловины. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1960. 198 с.
17. Грязнов М.П. Таштыкская культура // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск : Наука, 1979. С. 89–146.
18. Панкова С.В. О памятниках «камешковского» этапа таштыкской культуры // Курган: историко-культурные исследования и реконструкции. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 1996. С. 41–44.
19. Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб. : Петербургское востоковедение, 1999. 440 с.
20. Поселянин А.И. К вопросу об изучении таштыкских поминальников с остатками трупосожжений // Западная и Южная Сибирь в древности. Барнаул : Изд-во АлтГУ, 2005. С. 111–116.
21. Вадецкая Э.Б., Поселянин А.И. Таштыкский погребально-поминальный комплекс Белый Яр 3. Абакан : Хакас. книж. изд-во, 2015. 210 с.
22. Мамонова Н.Н., Романова Г.П., Харитонов В.М. Первичная обработка и определение антропологического материала в полевых условиях. Инструкция // Методика полевых археологических исследований. М. : Наука, 1989. С. 50–92.
23. Алексеев В.П. Остеометрия. Методика антропологического исследования. М. : Наука, 1966. 249 с.
24. Алексеев В.П., Дебеч Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологического исследования. М. : Наука, 1964. 129 с.
25. Воробьев В.П. Атлас анатомии человека. М. : АСТ, 2001. 1427 с.
26. Bass William M. Human osteology: a Laboratory and Field Manual. Missouri Archaeological Society, Noyes Hall, 1995. 361 p.
27. Caland W. Die Altindischen Todten- und Bestattungsgebräuche. Mit Benutzung handschriftlicher Quellen. Wiesbaden, Dr. Martin Sändig oHG, 1967. 191 s.
28. Сотникова С.В. К вопросу об антропоморфизации кремированных останков в погребальном обряде андроновской культурно-исторической общности // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 1 (33). С. 116–124.
29. Митько О.А., Тетерин Ю.В. Таштыкская кремация: проблемы интерпретации (по материалам исследования могильника Староозначенская Переправа I) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: история, филология. Т. 7, Вып. 3. Археология и этнография. 2008. С. 132–142.
30. Малордырова М.В. К проблеме палеометрологии (по материалам древних культур Якутии) // Археология Северо-Восточной Азии. Астроархеология. Палеометрология : сб. науч. тр. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 1999. С. 250–255.

Mit'ko Oleg A. Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia). E-mail: omitis@gf.nsu.ru; Nikolaeva Tatyana A. Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia). E-mail: golubceva@bk.ru

ESPECIALLY OF THE BURIAL RITE TASHTYK' POPULATION (FROM ANTHROPOLOGICAL ANALYSIS OF CREMATED BONES OF TASHTYK MONUMENTS UNDER STONE PLATES IN SITE MARKELOV MYS II).

Keywords: Early Iron Age; the Krasnoyarsk area; Tashtyk culture; monuments under the stone calculations; anthropological analysis; cremation.

One of the modern physical anthropology directions is the study of cremations. In foreign archeology, since the 60s of the last century, there is almost no study about a large cemetery with the remains of cremations without the view of anthropologists. The main rule is to support the results of excavations of the observations made in the analysis of calcified bones. In Russian archeology, the anthropological analysis of cremations is out of attention. This can be seen in relation to this kind of culture as Tashtyk, which stands out against the background of other Siberian archaeological cultures of Hun-Sarmatian time, the variety of forms of funeral rites. Questions that were needed to field and laboratory work with cremations of Tashtyk monuments were placed in the scientific literature, but their complex anthropological studies have not been conducted to date. The main task of the article is to fill this gap. The results of working with materials obtained in the course of many years of research repository Markelov Mys II, located in the Krasnoyarsk Region. Necropolis is a multi-temporal, multi-cultural complex, which includes monuments of Tashtyk cultures and objects of ancient Turkic time. All in all it was recorded 140 objects belonging to Tashtyk culture, including 89 under the stone monuments calculations, containing the remains of cremation. It was investigated 79 or 88.8% of them. Anthropological analysis confirmed the preliminary assumption of burning predominantly adult individuals (bone remains of children were recorded). Gender has been identified only in a few cases. Four individuals were recorded features and pathology development. In general, it is observed a certain canon of the rite of cremation which was com-

mon for the population, left the cemetery of Markelov Mys II. The rite was accomplished shortly after the death, in an open area of space near the source of wood at high temperature burning fire. At the same time there was a certain time lag between the time of the burning and the time of the burial. A complete picture of the skeleton in the grave did not play a significant role. The bones were placed together with waste in the production process, or the tomb of earth was placed at the bottom of the pit in a special container. Accompanying inventory in most cases was not put at all, but in some facilities met the remnants of meat food, stucco non-ornamental vessels (mostly canned form, small metal parts (buckles, rivets, rods, etc.), a fragment of a horny pins. The specificity of the source material does not allow to give a comprehensive description of the funeral of the rim Tashtyk population, burned their dead. However, the results can be the basis for the creation of anthropological data base for cremations and the extension to give a new impetus to the debate about the functional-semantic content “mention” in relation to the concept of Tashtyk culture.

REFERENCES

1. Lange, M., Schutkowski, H., Hummel, S., Herrmann, B.A. (1987) *Bibliography on Cremation. Leichenbrand-Bibliographie (Parliamentary Assembly of the Council of Europe) 19*. Strasbourg: Conseil de l'Europe.
2. Kozlovskaya, M.V. (1998) K voprosu o vozmozhnosti issledovaniya kremirovannykh kostey [On the possibility of the study of cremated bones]. In: Buzhilova, A.P., Kozlovskaya, M.V. & Mednikova, M.B. *Istoricheskaya ekologiya cheloveka* [Historical Human Ecology]. Moscow: Staryy Sad. pp. 174-181.
3. Dobrovolskaya, M.V. (2010) On the method of investigations of cremation materials. *Kratkie soobshcheniya instituta arheologii – Brief Communications of the Institute of Archaeology*. 224. pp. 85-97. (In Russian).
4. Mays, S. (1998) *The Archaeology of Human Bones*. London; New York: Routledge.
5. Lanting, J.N., Aerts-Bijma, A.T. & van der Plicht, J. (2001) Dating cremated bone. *Radiocarbon*. 43(2A). pp. 249-254.
6. Walker, P.L. & Miller, K.P. (2005) Time, temperature, and oxygen availability: an experimental study of the effect of environmental condition on color and organic content of cremated bone. *American Journal of Physical Anthropology*. 40. pp. 23-45. [Online] Available from: www.abc.net.au/science/slab/mungoman. (Accessed: 10th February 2016).
7. Großkopf, B. (2004) *Leichenbrand Biologisches und kulturhistorisches Quellenmaterial zur Rekonstruktion vor- und frühgeschichtlicher Populationen und ihrer Funeralpraktiken* [The dead body. Biological, cultural and historical sources for the reconstruction of pre- and early-historical populations and their funeral practices]. Leipzig: Leipzig University. [Online] Available from: <http://www.propylaeum.de/vor-undfruehgeschichte/internetressourcen>. (Accessed: 10th February 2016).
8. Thomas, J.-L. (2011) *Late Bronze Age Skeletal Populations of Slovenia*. PhD archaeological science syn dissertation. Edinburg.
9. Zazzo, A., Saliège, J.-F., Person, A. & Boucher, H. (2009) Radiocarbon dating of calcined bones: where does the carbon come from? *Radiocarbon*. 51(2). pp. 601-611. DOI: 10.1017/S00033822200055958
10. Wells, C. (1960) A study of cremation. *Antiquity*. 34. pp. 29-37. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0003598X00035146>
11. Mitko, O.A. (2005) Raskopki, otbor i pervichnaya obrabotka kremirovannykh ostatkov iz pogrebal'nykh pamyatnikov tashtytskoy kul'tury [The excavation, screening and primary processing of the cremated remains of funerary monuments of culture Tashtyk]. In: Tataurova, L.V. (ed.) *Metodika arheologicheskikh issledovaniy Zapadnoy Sibiri* [Methodology of archaeological research in Western Siberia]. Omsk: Favorit. pp. 111-119.
12. Mitko, O.A. (1999) Tashtytskaya krematsiya i mumifikatsiya [Tashtyk cremation and mummification]. In: Mitko, O.A. (ed.) *Evrasiya: kul'turnoe nasledie drevnykh tsivilizatsiy* [Eurasia: The cultural heritage of ancient civilizations]. Novosibirsk: Novosibirsk State University. pp. 164-180.
13. Williams, H. (2015) Towards an archaeology of cremation. In: Schmidt, C.W. & Symes, S. (eds) *The Analysis of Burned Human Remains*. 2nd ed. London: Academic Press. pp. 259-293.
14. Kiselev, S.V. (1951) *Drevnyaya istoriya Yuzhnoy Sibiri* [Ancient history of Southern Siberia]. Moscow: USSR Academy of Science.
15. Etyukhova, L.A. (1948) *Arheologicheskie pamyatniki eniseyskikh kyrgyzov (khakasov)* [Archaeological sites of the Yenisei Kyrgyz (Khakassia)]. Abakan: Sovetskaya Khakassiya.
16. Kyzlasov, L.R. (1960) *Tashtytskaya epokha v istorii Khakassko-Minusinskoy kotloviny* [Tashtyk epoch in the history of the Khakass-Minusinsk depression]. Moscow: Moscow State University.
17. Gryaznov, M.P. (1979) Tashtytskaya kul'tura [Tashtyk culture]. In: Gryaznov, M.P. (ed.) *Kompleks arheologicheskikh pamyatnikov u gory Tepsey na Enisee* [The complex of archaeological monuments at Mount Teps on the Yenisei]. Novosibirsk: Nauka. pp. 89-146.
18. Pankova, S.V. (1996) O pamyatnikakh “kameshkovskogo” etapa tashtytskoy kul'tury [About the monuments of “Kameshkov” stage of Tashtyk culture]. In: Cherepnin, L.V. (ed.) *Kurgan: istoriko-kul'turnye issledovaniya i rekonstruktsii* [Burial mounds: Historical and cultural research and reconstruction]. St. Petersburg: St. Petersburg State University. pp. 41-44.
19. Vadetskaya, E.B. (1999) *Tashtytskaya epokha v drevney istorii Sibiri* [Tashtyk epoch in the ancient history of Siberia]. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie.
20. Poselyanin, A.I. (2005) K voprosu ob izuchenii tashtytskikh pominal'nikov s ostatkami truposozhzhennykh [On the study of Tashtyk pominalnik with the remains of cremations]. In: Tishkin, A.A. (ed.) *Zapadnaya i Yuzhnaya Sibir' v drevnosti* [Western and Southern Siberia in ancient times]. Barnaul: Altai State University. pp. 111-116.
21. Vadetskaya, E.B. & Poselyanin, A.I. (2015) *Tashtytskiy pogrebal'no-pominal'nyy kompleks Belyy Yar 3* [Tashtyk funeral-memorial complex Bely Yar 3]. Abakan: Khakassia Publishing House.
22. Mamonova, N.N., Romanova, G.P. & Kharitonov, V.M. (1989) *Pervichnaya obrabotka i opredelenie antropologicheskogo materiala v polevykh usloviyakh. Instruktsiya* [Primary processing and determination of anthropological material in the field. Instructions]. In: *Metodika polevykh arheologicheskikh issledovaniy* [Methods of the field of archaeological research]. Moscow: Nauka. pp. 50-92.
23. Alekseev, V.P. (1966) *Osteometriya. Metodika antropologicheskogo issledovaniya* [Osteometry. Methods of anthropological research]. Moscow: Nauka.
24. Alekseev, V.P. & Debets, G.F. (1964) *Kraniometriya. Metodika antropologicheskogo issledovaniya* [Cranioimetry. Methods of anthropological research]. Moscow: Nauka.
25. Vorobiev, V.P. (2001) *Atlas anatomii cheloveka* [An Atlas of Human Anatomy]. Moscow: AST.
26. Bass, W.M. (1995) *Human osteology: a Laboratory and Field Manual*. Missouri Archaeological Society, Noyes Hall.
27. Caland, W. (1967) *Die Altindischen Toten- und Bestattungsgebräuche. Mit Benutzung handschriftlicher Quellen* [The Altindian dead and funeral needs. Using hand-written sources]. Wiesbaden: Dr. Martin Sändig oHG.
28. Sotnikova, S.V. (2015) K voprosu ob antromorfizatsii kremirovannykh ostankov v pogrebal'nom obryade andronovskoy kul'turno-istoricheskoy obshchnosti [On the antromorphisation of cremated remains in the funeral ceremony of Andronov cultural community]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 1(33). pp. 116-124.
29. Mitko, O.A. & Teterin, Yu.V. (2008) Tashtytskaya krematsiya: problemy interpretatsii (po materialam issledovaniya mogil'nika Starooznachenskaya Pereprava I) [Tashtyk cremation: The problems of interpretation (based on research of Starooznachenskaya Crossing I)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: istoriya, filologiya – Vestnik Novosibirsk State University. Series: History and Philology*. 7(3). pp. 132-142.
30. Malordyova, M.V. (1999) K probleme paleometrologii (po materialam drevnykh kul'tur Yakutii) [To the problem of paleometrology (based on the ancient cultures of Yakutia)]. In: Alekseev, A.N. (ed.) *Arkheologiya Severo-Vostochnoy Azii. Astroarkheologiya. Paleometrologiya* [Archaeology of North-East Asia. Astroarcheology. Paleometrology]. Novosibirsk: SB RAS. pp. 250-255.